

Подвиг каждого дня

Интервью провела и подготовила
материал к печати М. А. Фурсова

*Мудрый взгляд слегка раскосых глаз,
добрая и милая улыбка...
Кто они? Пришельцы среди нас
или же случайная ошибка?*

С семьей Клименко виртуально знакомы многие родители особых детей. В то время как «знающие» люди доказывают, почему НЕ НАДО рожать своих малышек с синдромом Дауна, Наталья и Александр Клименко воспитывают чужих. На сегодняшний день в их семье растут девять приемных и усыновленных детей, четверо из них – с синдромом Дауна*. Думая об этих необыкновенных людях, трудно избежать пафосных мыслей о ежедневном подвиге, самоотдаче, жертвенности. Однако, общаясь с ними, понимаешь: все проще, ведь ими движет только любовь.

* Усыновленный принимается в семью на правах биологического ребенка с вытекающими отсюда правовыми последствиями, а в приемную семью – лишь до достижения им совершеннолетия или до окончания учебы; за ним сохраняется статус сироты либо ребенка, лишенного родительской опеки.

– Наталья, история вашей семьи бесспорно уникальна. Но расскажите с самого начала: где вы живете и как устроили повседневный быт, сколько у вас детей, какого они сейчас возраста?

– У нас два родных взрослых сына, трое детей усыновленных – это Оля и Зоя, двойняшки 19 лет, и Витя – 14 лет. Еще шесть ребят приемных: Виталия – ему будет 16, Катя – 14 лет и девочки с синдромом Дауна: Полина – 11 лет, Маруся – 9 лет; Виолетте 8 лет, как и Насте. Мы тридцать лет прожили в Приморье, всех детей усыновили и взяли под опеку там, но два года назад переехали в Краснодарский край. Решили, что здесь больше возможностей для развития и оздоровления детей, им легче жить в теплом климате. В 2006 году мы получили статус приемной семьи.

– В СМИ часто говорится о мотивах матерей, которые отказываются от своих детей, а вот почему люди берут чужих малышей в семью, понятно гораздо меньше. Расскажите, пожалуйста, свою историю.

– У нас было два сына, и мы мечтали о третьем ребенке. Но из-за отрицательного резус-фактора двое родов закончились неудачей. Решили взять приемного малыша. Внешность и здоровье будущего ребенка не имели значения. Так получилось, что

мне показали девочек-двойняшек, обе были очень слабые, но нас это не смутило, и одну нам отдали сразу, а другой пришлось добиваться больше года из-за того, что у нее были очень серьезные диагнозы. Когда девочкам было примерно 8 лет, они стали задавать вопросы: почему я им мама, но их не родила? Чтобы они правильно все поняли, мы поехали в дом ребенка, откуда их брали. Там девочки увидели брошенных деток, им стало очень грустно, и они уговорили меня взять малыша. Так в нашей семье появился Виталик. Когда он подрос, повторилась та же история: сын присоединился к просьбам девочек о новом ребенке, и мы взяли еще одного – шестилетнюю Катюшу, которой особо нужна была семья из-за проблем с развитием.

– У вас дочери с синдромом Дауна. Расскажите, как они появились в семье, как развивались?

– Однажды я оказалась с дочерью Зоей в детском доме, из которого мы ее взяли. Главврач разрешила ей провести детей со словами: «Мама из вас, слабеньких, вот каких красавиц вырастила, теперь выбирай для нее самого лучшего ребенка». Потискав всех деток, дочь взяла на руки ребенка и не выпускала, начала уговаривать забрать его домой. Я даже не поняла, мальчик это или девочка, но увидела, что у ребенка синдром Дауна, и сказала Зое, что его брать нельзя. Когда с рыдающей до-

черью мы вышли из детдома, я подумала: а почему, собственно, нельзя? Мы вернулись... Это была трехлетняя Полина, «солнечный ребенок».

После этого у нас уже не было установки, что ребенок с синдромом Дауна должен обязательно жить в детском доме. Однажды главврач того же дома ребенка сказала, что у них есть Машенька с синдромом Дауна, которой скоро придется оказаться в интернате. Полина в то время у нас жила уже больше двух лет, никаких проблем с ее воспитанием не было, она не болела, ходила в детский сад, росла очень ласковой и спокойной. Естественно, я поехала за Машенькой. Пока знакомилась с ней, увидела лежащую рядом маленькую девочку тоже с синдромом Дауна. Мне объяснили, что ребенок тяжелый. Но меня интересовало, так же как и в предыдущих случаях, только то, может ли она жить в семье, без круглосуточного медицинского контроля. В общем, забрав Марусю, мы начали собирать документы на Виолетту. Ей было три года, она не ходила, как в свое время и Маруся. В итоге обе девочки пошли, избавились от хронических болезней. Несмотря на то, что в семье было три малышки с синдромом Дауна, наша жизнь протекала вполне нормально, никакого перенапряжения, усталости моральной и физической мы не чувствовали. И когда увидели на сайте Артемовского дома Настенку, то особо не рассуждали и не терзались: брать, не брать. Только сейчас я понимаю, насколько было важно, что опека доверяла нашему решению. Нам не сложно было принять диагнозы своих детей именно потому, что мы видели в них прежде всего детей, которым так же, как и остальным, а может даже и больше, нужна семья, любовь, внимание.

Слабые девочки дома адаптировались легко, быстро окрепли. В детский садик они не ходили, у нас дома своя отличная компания. И мы решили, что мальчик 8–9 лет с синдромом Дауна неплохо дополнит этот «малинник». В крае не было в базе данных подходящих детей, и мы выбрали мальчика в Москве. Когда я приехала знакомиться с ним, выяснилось, что из 450 детей именно его одна из сотрудниц берет в гости к своим детям. Тогда меня познакомили с 12-летним Витей. Мы как-то с первого взгляда понравились друг другу. И сейчас даже трудно представить, как мы смогли бы жить без него, если бы опека не пошла нам навстречу, а они поначалу серьезно сомневались, потянем ли мы столько детей, тем более у Вити был ДЦП и другие диагнозы. Витя – ласковый и совершенно домашний, несмотря на то, что с рождения и до 12 лет он не жил в семье. Он обучается на дому, научился читать, писать, решать простые задачи, очень любит заниматься домашними делами, возиться с младшими сестренками.

– *Чтобы воспитать ребенка с синдромом Дауна, требуется много сил, терпения и знаний. Есть ли у вас в отношении этих детей определенные ожидания или, по меньшей мере, представление о том, как они должны развиваться и кем стать?*

– Ребенку с синдромом Дауна действительно надо уделять больше внимания. Но когда любишь детей, чувствуешь, что и когда им нужно дать, то это не в тягость. Большое значение имеет то, что у нас их четверо: у них есть возможность общаться и играть вместе. С первого сентября Настя учится в первом классе на дому. Скоро на краевой МПК будем решать вопрос об образовании Полины.

Старшие дети с инвалидностью тоже с удовольствием играют и занимаются с маленькими. Из-за диагнозов возможности получить профессию у них ограничены, но в нашей семье ухаживать за детьми умеют все – это точно. Наша цель – дать детям всё, что можем, для их развития и комфортной жизни.

Определенные ожидания, конечно, есть, как у многих родителей, но ведь не всё зависит от нас. Нужно смотреть на жизнь реалистично: у детей очень разные возможности. Конечно, их дальнейшую жизнь мы стараемся определить уже сейчас: составили что-то вроде личной социальной программы и планомерно выполняем ее. Купили большой дом, где они смогут жить и взрослыми. Он расположен очень удобно – тихое место и рядом центр, где есть всё необходимое. Хорошо, если бы по соседству поселились такие же семьи – легче было бы организовать обучение, медицинское обслуживание и прочие услуги для особых людей. При доме большой земельный участок с садом и сельскохозяйственными постройками. На девочек уже оформлено по 25,5 квадратных метров жилья и четыре сотки земли. Если возникнут проблемы с трудоустройством, дети вполне смогут заниматься посильным трудом на участке.

Одна из мотиваций родителей, когда они пишут в роддоме отказ от ребенка с синдромом Дауна: «Он никогда не сможет жить самостоятельно, будет нуждаться в посторонней помощи». Но разве только ради будущих успехов любят детей? Несомненно, будущее девочек нас очень волнует. Но, думая о нем, не надо забывать и о настоящем: вот уже сколько лет наши дети с нами, и, кто бы ни говорил, что в детдоме им лучше, что там их место, – эти дети созданы для любви и семьи.

Я много лет знакома с некоторыми приемными и опекающими семьями. Они брали в семью детей, чтобы у тех появилась перспектива: кружки, секции, хорошее образование. Но начинается переходный период, проблемы, непонимание... И не раз мне эти родители говорили: «Лучше бы взяли таких детей, как у тебя, – с ними гораздо приятнее и легче жить».

– *Что бы вы сказали родителям, которые до конца не пережили шок после рождения особого ребенка, у которых остались какие-то страхи, сомнения, переживания? Самые распространенные: «не знаю, как воспитывать ребенка с особенностями, не представляю, что он может, а что нет», «опасаюсь за его здоровье», «как отнесутся к ребенку окружающие» и «что с ним будет потом, когда мы, родители, постареем или нас не станет». Поделитесь, как вам удается бороться с этими страхами или вообще избегать их?*

– Мы уже давно воспитываем особых детей. Когда взяли первую девочку, было множество вопросов и сомнений. Очень хотелось сделать все возможное для восстановления ее здоровья, ничего не упустить, хотя прогноз был один – жизнь «растения». Кто что подумает или скажет, было для нас второстепенно. И точно так же с девочками, у которых синдром Дауна: мы любим их такими, какие они есть.

Мои дети с синдромом Дауна, конечно, отличаются от детдомовских в лучшую сторону, но и уступают в развитии тем деткам, которые были в семье с рождения. В их раннем развитии было упущено время, и некоторые моменты практически невозможно наверстать. В дополнение к синдрому Дауна от отсутствия внимания у Виолетты развилась самоагрессия, а у Маруси – аутизм. Ее в клинике Китая отказались лечить, сказав, что это такая реакция ребенка на одиночество. Но мы все равно, несмотря на прогнозы, пытаемся найти подход к детям. Старемся уделять им как можно больше внимания, вовлекать в игры, прогулки, поездки. И очень радуется, что чуть-чуть, по капельке, но успехи появляются.

За все время я ни разу не встретила негативного отношения со стороны окружающих к моим детям. В первую очередь, надо самим родителям особых деток быть доброжелательными, не реагировать болезненно на каждый взгляд в сторону ребенка. Не всегда, называя ребенка дауном, люди хотят его оскорбить – они просто не все знают, что правильно сказать «ребенок с синдромом Дауна». Когда я была с девочками в Китае, то там за нами откровенно ходили с фотоаппаратами толпы китайцев и многие, широко улыбаясь детям, крутили пальцем у виска. Я ни в коем случае на них не обижалась: там к детям с синдромом Дауна относятся как к подарку свыше, и они были счастливы увидеть сразу столько русских девочек с синдромом.

Очень часто, когда я бываю с детьми в поликлинике, в магазине, незнакомые люди пытаются завязать со мной разговор о диагнозе детей. Я не уклоняюсь от разговоров и стараюсь ответить на все вопросы, чтобы человек не оставался в раздумьях, сомнениях, заблуждениях.

Страхи за здоровье детей есть, конечно. Когда я стала общаться на форуме родителей детей с синдромом Дауна «Мыс Доброй Надежды», то поразились, как много детей имеют серьезные проблемы со здоровьем, пороки сердца. Я своих детей специально не выбирала, но у них нет проблем с сердцем. Когда я задумалась над этим, то пришла к ужасному выводу: дети с плохим здоровьем в детдоме просто не выживают.

– Сейчас вы ведете непростую борьбу с нашим государством, чтобы взять еще одного ребенка. Расскажите, как обстоят дела?

– Да, наши старшие девочки стали совершеннолетними, и у нас есть возможность взять в семью еще одного ребенка-инвалида. К сожалению, чиновники считают, что если в семье есть дети с синдромом Дауна, то это предел наших возможностей. Приходится доказывать свою правоту в судебном порядке, хотя это и противоречит нашим принципам. Но делать нечего, ведь от этого зависит, будет ребенок жить и воспитываться в семье или останется навсегда за забором. Сейчас мы подали надзорную жалобу в Краснодарский суд, приложили диск с фильмом о нашей семье. Не исключено, что и Верховный суд еще предстоит.

– Наталья, расскажите, что дает статус приемной семьи?

– Статус приемной семьи дает возможность заниматься воспитанием детей, не думая о материальном. В нашем крае выделяются неплохие денежные средства на содержание ребят и вознаграждение родителям. Также есть добавка 10 % к выплате за воспитание ребенка с отклонениями в здоровье. Случается, нам помогают, зная о статусе семьи. Например, заместитель губернатора Вадим Лукоянов помог оборудовать игровую комнату для детей и перед домом заасфальтировать площадку, на которой играют вместе наши и соседские детишки.

Но вообще программ поддержки для приемных семей, воспитывающих детей-инвалидов, к сожалению, в России немного. В приемной семье, согласно договору, дети должны воспитываться до 18 лет. Но, естественно, это теперь наши дети навсегда. Мы понимаем, что очень нужны программы поддержки семей и после совершеннолетия детей, ведь не всякий ребенок сможет прожить самостоятельно, кто-то всю жизнь будет нуждаться в сопровождении.

– Будучи мамой такой большой семьи, удается ли вам находить время для себя? Есть ли у вас и у вашего мужа хобби, какие-то личные увлечения?

– У нас очень хорошая взаимозаменяемость с мужем и старшими детьми, я спокойно могу отправляться в поездки и не волноваться – все домашние дела будут сделаны. Не проблема найти время и для своих личных дел. Несмотря на то, что у нас такая большая и нестандартная семья, мы можем совершать совместные поездки: были в Китае, на Азовском и Черном морях, выезжаем в краевой центр в парки развлечений. В этом плане дети – жизни не помеха, даже если их так много!

